

«Пасынки Фемиды» или последний оплот законности? Нотариат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1897—1930-е гг.)¹

Андрей Викторович Друзяка,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета, Благовещенск.
E-mail: druzyaka12@mail.ru

Статья освещает историю развития общественно-правового института нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии. В период 1880—1897 гг., предшествовавший учреждению его в системе органов юстиции региона, важнейшие функции по законному регулированию растущего гражданского оборота выполнял публичный, выборный нотариат при городском самоуправлении, что способствовало быстрому росту городов и развитию рыночных отношений. В 1897 г. на Дальнем Востоке был учреждён нотариат в системе органов юстиции. О высоком общественном значении его деятельности свидетельствует факт его более чем столетнего непрерывного эволюционного развития, востребованность в различных исторических условиях, успешная практика взаимодействия института нотариата с другими властными и общественными институтами.

На основе архивных документов, впервые введённых в научный оборот, в статье дана общая характеристика органов нотариата, функционировавших на Дальнем Востоке в различных исторических условиях, особое внимание уделено фактам биографии дальневосточных нотариусов, вписавших первые страницы в историю региональных нотариальных учреждений. Анализ непрерывного процесса развития дальневосточного нотариата позволяет сделать выводы об особенностях его институализации и организационно-правовой трансформации в различные периоды, выявить наиболее характерные черты деятельности нотариусов и её значение в общем контексте региональной истории.

Ключевые слова: нотариат, общественно-правовой институт, Дальний Восток России, Маньчжурия.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ДВФУ, проект № 14-08-05-2; при поддержке гранта 12BZS071 Хэйхэсского университета, КНР.

“Themis’ stepchildren” or the last outpost of the law? Notaries in the Russian Far East and in Manchuria (1897–1930).

Andrey Druzyaka, Department of History of Russia Blagoveshchensk State Pedagogical University. E-mail: druziyaka12@mail.ru

The paper tells the development history of the social and legal institution of notarial services in the Russian Far East and Manchuria. In the period between 1880 and 1897 preceding its establishment in the regional justice authority system, the most important functions on legal regulation of the growing civil turnover were fulfilled by public elective notaries of town self-government which favored rapid town growth and market relationship development. In 1897, notarial services were established in the Russian Far East’s justice authority system. Its continuous evolutionary development which lasted for more than a century, being in high demand in diverse historical circumstances, successful practice of the notarial institution’s integration with other governmental and public institutions prove its great public importance.

Based on archive documents introduced to academic audience for the first time, the paper gives general characteristics of notarial authorities which functioned in the Russian Far East in diverse historical circumstances. The author focuses on biographical facts of Far-Eastern notaries who wrote the first chapters in the history of regional notarial institutions. Analysis of the Far-Eastern notaries’ continuous development allows to draw conclusions on specific features of its institutionalization, procedural and legal transformation in different periods, identify the most characteristic features of the notaries’ activity and its significance in the general regional historical context.

Keywords: notaries, social and legal institution, Russian Far East, Manchuria.

В современном понимании нотариат (от лат. *notarius* — писец, секретарь) представляет собой систему юридических органов, в функции которых входит законное удостоверение сделок, оформление наследственных прав, засвидетельствование документов для придания им легитимности и юридической достоверности. Нотариат также может рассматриваться как правоохранительный орган и самостоятельный общественно-правовой институт, призванный обеспечивать стабильность гражданского оборота, защищать права и законные интересы граждан и юридических лиц посредством совершения нотариальных действий от имени государства и осуществлять государственную юрисдикцию в сфере гражданских правоотношений.

Изучение истории региональных нотариальных органов, на наш взгляд, имеет высокую научную и практическую актуальность. Процессы создания российского законодательства и совершенствования системы органов юстиции сегодня заставляют профессиональное и научное сообщество по-новому осмыслить не только позитивный зарубежный, но и наиболее ценный отечественный опыт функционирования правовых институтов. Практическое применение исторического опыта развития регионального нотариата

возможно как в направлении его широкой популяризации и использования в целях развития правовой культуры, так и для решения ряда практических задач, стоящих сегодня перед органами юстиции. Исследование истории становления и функционирования российской системы нотариальных учреждений на Дальнем Востоке, а также практики взаимодействия нотариата с органами власти, местного самоуправления, общественными организациями и другими институтами гражданского общества может способствовать успешному осуществлению перспективных планов развития региона и решению ряда проблем, сопутствующих его современному состоянию.

Изучение истории нотариата в России началось сразу же после его официального учреждения в 1866 г. Опубликованный в 2001 г. библиографический список работ, посвящённых истории и проблемам его практической деятельности в дореволюционной России, содержит 580 книг, статей и научных исследований [5]. Процесс становления и развития органов юстиции в различных регионах нашей страны в настоящее время всё чаще привлекает внимание историков и правоведов. Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии до сих пор не был рассмотрен как отдельное явление, имевшее, кроме прочего, высокую общественно-политическую значимость. Целью данной статьи является анализ становления и функционирования нотариата в городах Дальнего Востока России и в Маньчжурии в 1897—1930-х гг., а также порядка назначения нотариусов на Дальнем Востоке, их социального и профессионального состава. Необходимо рассмотреть особенности и проблемы деятельности дальневосточных нотариальных учреждений в различных исторических условиях, сделать выводы о значении публично-правового института нотариата для дальневосточного общества.

С середины 1860-х гг. в ходе судебной реформы в системе российской юстиции началось формирование органов адвокатуры, прокурорского надзора, службы судебных приставов и нотариата. Деятельность последнего была подробно регламентирована в основополагающем законодательном акте — «Положении о нотариальной части» от 14 апреля 1866 г., — при составлении которого учитывались соответствующие нормативные акты Франции, Австрии и Баварии. Формирующимся органам нотариата придавалась определённая независимость за счёт широкого круга функций и полномочий. Нотариусы от имени государства свидетельствовали различные акты, подлинность подписей, время предъявления им документов, находили лица в живых, передавали заявления одного лица другому. Они оформляли доверенности, копии документов, заёмные обязательства, завещания, договоры и протесты, мировые и третейские записки и прошения, принимали на хранение документы и составляли проекты раздела наследства, выдавали выписки из актовых книг и копии актов. Основой деятельности нотариуса являлось оказание клиентам необходимой квалифицированной юридической помощи, решение разнообразных гражданско-правовых проблем законным путём [1; 7].

После 1866 г. назначение нотариусов началось прежде всего в крупнейших торговых и административных городах центральной европейской части империи, затем — и на её периферии. По различным причинам проведение судебной реформы в Восточной Сибири и Приамурье слало осуществляться на 30 лет позже, чем в центре страны, — в 1897 г. Вместе с тем увеличение объёма гражданского оборота в дальневосточных городах, происходившее на фоне быстрого подъёма сельскохозяйственного и промышленного производства, появление в крае большого числа самостоятельных собственников, рост городов и увеличивающиеся объёмы внутренней и международной торговли уже во второй половине 1870-х гг. требовали новых юридических гарантий легитимности гражданско-правовых отношений, цивилизованных правил игры, обязательных как для общества, так и для государства.

В этой связи весьма символичным является тот факт, что первоначально нотариат на Дальнем Востоке был образован «снизу», по инициативе выборных городских органов самоуправления и предпринимательского сообщества. В 1879 г. во Владивостоке из состава гласных членов городской Думы избрали первого публичного городского нотариуса — купца II-й гильдии Владимира Ланина [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 51. Л. 1—5]. Публичный нотариат в крае вплоть до 1897 г. имел достаточно неопределённый — и даже спорный — официальный статус и не был в достаточной степени легализован государственной властью вплоть до проведения мероприятий судебной реформы.

Вторично нотариат учредили на Дальнем Востоке «сверху», решением высших органов власти. 3 мая 1896 г. Государственный совет утвердил «Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири». В Иркутске учредили Судебную палату, которая должна была в дальнейшем организовывать мероприятия судебной реформы в Сибири, на Дальнем Востоке и в русских колониях в Маньчжурии. На пространствах Дальнего Востока и Забайкалья, занимавших около 1/3 всей территории Российской империи, со 2 июля 1897 г. учредили четыре окружных суда — Благовещенский, Владивостокский, Якутский и Читинский. Одновременно органы судебного нотариата были официально учреждены в шести административных и торговых центрах Приамурского генерал-губернаторства — в Благовещенске (две должности), Джалинде, Зее-Пристанни, Хабаровске, Николаевске и Владивостоке [8, с. 420—422]. К 1904 г. уже фактически решился вопрос об учреждении соответствующей должности в Порт-Артуре, однако начавшаяся война изменила эти планы, и нотариус открыл свою контору в Харбине. Введение дополнительных должностей нотариусов в городах Дальнего Востока осуществлялось в особом порядке министром юстиции Российской империи по согласованию с министрами внутренних дел и финансов, при этом главными аргументами для учреждения являлись рост населения и торгово-промышленного оборота и потенциальная востребованность нотариальных действий. С 1897 по 1914 г. количество должностей нотариуса при дальневосточных окружных судах увеличилось почти вдвое — с 7 до 13. Вторые должности нотариуса были

введены в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. С постройкой железной дороги нотариусы открыли свои конторы на узловых станциях в Алексеевске и Никольск-Уссурийске.

Порядок назначения на должность являлся достаточно демократичным. Нотариусами в Российской империи могли быть российские подданные, совершеннолетние, не опороченные судом или общественным приговором и не занимающие никакой другой должности в государственной или общественной службе. Лицо, желавшее занять должность нотариуса, вносило в окружной суд залог «на случай неправильных его по должности действий». В дальневосточных городах сумма залога составляла от 500 руб. (Зея, Джалинда) до 2000 руб. (Благовещенск, Владивосток). За допущенные ошибки или злоупотребления нотариус отвечал всем своим имуществом. Претендент на должность обязан был сдать письменный и устный экзамен на знание гражданского законодательства, продемонстрировать практическое умение правильно излагать акты и соблюдать формы нотариального делопроизводства. Успешно прошедший испытание и внёсший залог претендент по рекомендации председателя суда назначался на должность.

Приказом № 20 старшего председателя Иркутской судебной палаты от 19.09.1897 г. первым благовещенским городским нотариусом был назначен бывший помощник секретаря Благовещенского суда М. Кушлянский, а в Зейской Пристаней — Н. Синцеровский. Первый нотариус Хабаровска И. Фомин официально открыл свою контору 18 июня 1899 г. Во Владивостоке первым стал отставной офицер, штабс-капитан В. Адамс. При назначении на должность нотариус в присутствии священника на открытом заседании окружного суда приводился к клятвенной присяге. В дальнейшем он не имел права принимать на себя обязанности присяжных поверенных (адвокатов), не мог выполнять свои обязанности вне пределов своего округа. Особым условием являлось строгое требование сохранения нотариусом должностной тайны относительно дел, актов и документов, поручаемых ему клиентами.

Среди первых дальневосточных нотариусов было немало людей, вышедших «из народной гуши», из социальных низов. Отставной военный писарь или секретарь гражданского ведомства вполне мог стать нотариусом небольшого городка. Так, выдающийся нотариус и общественный деятель Харбина М.В. Второв, исполнявший свои обязанности с 1906 по 1938 г., являлся выходцем из крестьян Вологодской губернии, до назначения на должность служил секретарём Пограничного суда. Зейско-Пристанский нотариус И.М. Плотников ранее был уволен в запас с военной службы с должности писаря, происходил из крестьян Шадринского уезда Пермской губернии. Бывший секретарь Благовещенского окружного суда, впоследствии Никольск-Уссурийский нотариус Л.И. Коркешко также был отставным военным, в чине подпоручика. Чин штабс-капитана в отставке имел первый городской нотариус Владивостока и Харбина (с 1904 г.) В.Ф. Адамс. Вместе с тем среди дальневосточных нотариусов нередко встречались высококласные профессиональные юристы. Так, нотариус

Благовещенска В.И. Родзаевский был выпускником юридического факультета Киевского императорского университета, харбинский нотариус К.И. Кайдо окончил Московский университет, потом служил следователем во Владивостоке и мировым судьёй на линии КВЖД. За высокооплачиваемые должности нотариусов в крупных городах в дореволюционный период велась серьёзная конкурентная борьба. Например, в конкурсе на освободившуюся вакансию нотариуса в Харбине в 1917 г. участвовали 11 претендентов [ГАИО. Ф. 246. Оп. 9а. Д. 4. Л. 33—35]. Уровень доходов нотариусов в крупных городах Дальнего Востока был чрезвычайно высок. Так, бывший благовещенский нотариус Родзаевский, оказавшись в эмиграции, писал в своей анкете, что «получал ежегодно от 30 до 40 тысяч рублей с 1900 по 1923 г.» [ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 40424. Л. 1—4]. В то же время годовое жалование полицейского в Благовещенске составляло 360 руб., а председателя суда — 6000 руб. в год.

Профессиональная деятельность нотариуса при этом была широко востребованной и имела высокую общественную значимость. Являясь носителем тайны сделок, завещаний и личных тайн многих клиентов, он априори воспринимался как эталон честности и порядочности, что не могло не влиять на повышение его общественного статуса. Специфика должности делала нотариуса важнейшей, знаковой фигурой городского социума, накладывая на него определённую ответственность и обязанность не только хорошо знать текущую деловую конъюнктуру и быть лично знакомым с представителями разных социальных слоёв, но и активно участвовать в общественной жизни. Нотариусы, быстро получившие общественное признание и авторитет, нередко впоследствии выдвигались в городские властные структуры и активно участвовали в деятельности общественных, благотворительных организаций и выборных органов. Так, первый нотариус Хабаровска Иван Фомин ранее занимал должность секретаря городской управы, с 1898 по 1902 г. являлся гласным депутатом городской Думы, а в 1902 г. был избран городским головой Хабаровска. Этот пост он занимал до 1906 г., причём при назначении Фомин потребовал в качестве подъёмных дополнительно к жалованию 2000 руб. ежегодно на представительские расходы, что может свидетельствовать о высоком уровне его доходов в должности нотариуса [3, с. 179].

Нотариат на Дальнем Востоке был представлен поистине выдающимися выпускниками русской имперской юридической школы. Среди них можно выделить таких юристов, как В.И. Родзаевский, М.И. Богоявленский, В.А. Дымчевский (Благовещенск), М.И. Фомин, П.Ф. Пахоруков, А.А. Шульц, Л.В. Винклер (Хабаровск), В.Ф. Адамс, А.Л. Гесс-де-Кальве, А.В. Бужко (Владивосток), К.И. Кайдо, М.В. Второв, А.Ф. Сакович (Харбин) и многих других. Документальные источники и оценки современников позволяют сделать вывод, что институт нотариата в крае стал действительно реальным воплощением общественной власти, гарантом правовой защищённости и законности гражданских правоотношений.

Вместе с тем быт нотариуса в небольших дальневосточных городках был далёк от благополучия. Согласно «Положению о нотариате» 1866 г.,

нотариусы состояли «при судах», однако должностные оклады, льготы, чины и награды за выслугу лет, а также пенсии им не назначались. На «жёлтых страницах» того времени — в ежегодных областных справочниках-календарях — нотариусы нередко соседствовали не с судейскими чинами, а с врачами, акушерками, репетиторами и другими представителями частной практики. Столь неопределённый «частно-государственный» статус нередко приводил к тому, что сами нотариусы не без горечи называли себя «пасынками Фемиды» [2]. Доходность их деятельности напрямую зависела от количества и стоимости сделок и иных нотариальных действий, поэтому служащие небольших контор в городках, удалённых от крупных административных и торгово-промышленных центров, нередко пребывали в крайне тяжёлых условиях.

Неравенство в среде нотариусов особенно обострилось после 1914 г. Проблемы «выживания» нотариальной конторы в небольшом городке достаточно подробно описаны в частном письме Никольск-Уссурийского нотариуса А. Чаги министру юстиции России (26.06.1917 г.). Так, при характеристике «тягостного» состояния дел своей конторы Чага сравнивает себя с процветающими нотариусами во Владивостоке и Харбине и делает неутешительный вывод о несправедливом разделении нотариусов на «тузов» и «тружеников» [ГАИО. Ф. 246. Оп. 9а. Д. 4. Л. 10—12 об.]. Таким образом, общие для всех нотариусов проблемы правового статуса в условиях Дальнего Востока нередко усугублялись материальными проблемами, порой ставившими небольшие нотариальные конторы на грань выживания.

Уникальную, по нашему мнению, роль в истории русского нотариата на Дальнем Востоке сыграла деятельность его органов в Маньчжурии. С 1904 по 1920 г. там функционировали нотариальные учреждения Пограничного окружного суда, юрисдикция которого распространялась на полосу Китайской восточной железной дороги (КВЖД) с центром в г Харбине. В разгар военных событий Русско-японской войны, 7 сентября 1904 г., в город был назначен первый нотариус, им стал переведённый из Владивостокского окружного суда В. Адамс. Вторую должность городского нотариуса в Харбине ввёл специальным именовым указом от 13 сентября 1906 г. Николай II. Её занял опытный юрист К. Кайдо.

Нотариусы Харбина, находившиеся в центре городской жизни, активно участвовали в формировании важнейших общественных институтов. Так, К. Кайдо стоял у истоков создания Общества домовладельцев и землевладельцев, которое впоследствии долгое время возглавлял. Помимо объединения и защиты интересов городских собственников, Общество осуществляло их кредитование из фондов собственного банка. Русские нотариусы активно занимались благотворительностью, двери контор были открыты для всех жителей Харбина, без учёта их национальности или гражданства, имущественного и социального положения. За помощью обращались не только проживавшие в Маньчжурии европейцы, японцы и американцы, но и китайцы, всё более вовлекаемые в сферу деловых взаимоотношений на российском правовом поле. Китайские предприниматели прибегали к услугам нотариуса, если появлялась необходимость оформления

двусторонних актов, совершаемых без участия европейцев. Например, харбинская газета «Вестник Маньчжурии» в 1918 г. опубликовала следующее объявление об отзыве доверенности: «Объявляю, что доверенными (лицами) моими китайцы Лю Минчжен и Ван Ченпин больше не состоят. Выданные мною им доверенности, засвидетельствованные у Харбинских нотариусов, прошу считать недействительными. Подрядчик Ти Юйсин» [4].

Можно уверенно констатировать, что наличие общественно-правового института нотариата и высокий авторитет русских нотариусов оказали существенное воздействие на формирование уникальной многонациональной среды и многоукладной экономики Северной Маньчжурии. Её власти в годы Гражданской войны стремились сохранить привычный для всех административно-правовой статус-кво, однако после поражения белой гвардии в европейской части страны ситуация изменилась коренным образом. Декретом президента Китайской республики от 23 сентября 1920 г. был отменён правовой режим экстерриториальности иностранцев. 1 октября 1920 г. — принудительно закрыт Пограничный окружной суд в Харбине. Существование российской юстиции в Маньчжурии на этом официально закончилось, однако нотариальная часть не прекратила свою деятельность. 31 октября 1920 г. для судебной защиты русских и европейцев в Особом районе восточных провинций были учреждены особые судебные установления и вступил в силу особый порядок гражданского и уголовного судопроизводства. При этом из связанных с русским судом учреждений не подвергся закрытию лишь нотариат, «как институт хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый» [6, с. 565]. Более того, через некоторое время китайские власти предприняли действия, которые можно назвать прямой рецепцией основ гражданского законодательства Российской империи и русского «Положения о нотариальной части» 1866 г.: данные тексты были срочно переведены на китайский язык и впоследствии сохранялись в качестве основы гражданских правоотношений. В марте 1921 г. нотариусы Уманский и Сакович получили назначения на должности в новом китайском окружном суде и в дальнейшем действовали в его юрисдикции [ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 41726. Л. 8; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 8904. Л. 9]. Доказательством того, что Харбин в 1920-е гг. не утратил русский нотариат, служат биографические данные нотариусов Уманского, Второва, Саковича, Изотова, официальные сведения о штатах китайских судебных учреждений, материалы городской периодической печати того времени. В 1932 г. в Харбине открылась контора первого китайского нотариуса Юй Ляньцзы, однако вытеснения русских нотариусов за этим не последовало: после отставки М.В. Второва в 1937 г. нотариусом Харбина служил Л.И. Изотов, бывший прокурор Пограничного суда. Таким образом, в 1920-е гг. формирующаяся правовая и судебная система Северо-Восточного Китая не только восприняла российское гражданское законодательство в качестве законодательной основы для функционирования своих нотариальных учреждений, но и сохранила кадры российских нотариусов, благодаря чему институт нотариата в Харбине действовал вплоть до 1940-х гг.

На наш взгляд, наиболее ярко общественно-правовое значение института нотариата на Дальнем Востоке проявилось в 1918—1920-е гг. В период революции и Гражданской войны нотариусы не только не прекратили свою деятельность в регионе, но даже активизировали её, причём в эти годы нестабильности интерес населения к нотариальным действиям сохранялся не только в Маньчжурии, но и в городах Приамурья. Так, например, по данным реестров благовещенского нотариуса В.И. Родзаевского, в течение мая 1918 г. в его конторе было засвидетельствовано 128 различных актов, а в течение мая 1919 г. — уже 420, что свидетельствует о существенно возросшей востребованности его деятельности [ГААО.Ф. Р-10. Оп. 1. Дд. 2, 3]. В обстановке калейдоскопической смены политических режимов и при отсутствии реально функционирующего государственного административно-правового регулирования именно «пасынки Фемиды» некоторое время оставались единственным легитимным органом «старой» юстиции и последним оплотом законности, не прекратившим деятельность даже при кардинальной смене государственной юрисдикции в 1918—1923 гг.

История дальневосточного нотариата, на наш взгляд, имеет ряд важных особенностей, позволяющих выделить его среди других региональных органов юстиции как уникальный и заслуживающий отдельного внимания. В отличие от европейской части страны, где институт нотариата был упразднён в годы военного коммунизма, развитие соответствующих органов на Дальнем Востоке не прервалось в эпоху революционных потрясений и Гражданской войны. В 1918—1920 гг. учреждения нотариата в Благовещенске и Харбине продолжали функционировать фактически без изменений, а иногда и с увеличенной нагрузкой. В ДВР вплоть до конца 1922 г. нотариусы действовали при народных судах (запрет был наложен лишь на сделки с землёй, которую объявили общенародным достоянием, и на сделки «кабального характера»). Одновременно в Харбине и на территориях, подконтрольных «белым», действовал «старый» нотариат. Таким образом, в 1922 г. на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии сложились одновременно три системы нотариальных органов с различной юрисдикцией — нотариат при народных судах ДВР, городской нотариат Харбина в системе китайских органов юстиции и нотариат в системе органов юстиции белогвардейских правительств Приморья. Сохранение нотариата в подобных экстремальных условиях убедительно свидетельствует о высокой востребованности и общественной значимости этого публично-правового института.

Успехи хозяйственного развития дальневосточной окраины России и российской колонии в Харбине в дореволюционный период в немалой степени обеспечила эффективная деятельность судебного и биржевого нотариата, создававшего необходимые правовые условия для развития товарно-денежного оборота в регионе. Нотариат на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии за сравнительно короткое время (менее чем 23 года) прошёл значительный путь формирования и институализации в качестве общепризнанного легитимного органа общественно-правовой власти, наиболее совершенного на тот период времени не только для отдалённой окраины России, но и для всего огромного региона Северо-Восточной

Азии. Нотариус в этих условиях был не просто лицом, удостоверяющим от имени государства различные правовые акты. История нотариата доказывает, что для представителей различных сословий, социальных слоёв и этнических групп, проживавших в то время по обе стороны российско-китайского приграничного пространства, он стал персонификацией общественного консенсуса, гарантом равенства, правовой защищённости и законности гражданских правоотношений.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Абоимов Д. Настольная книга для нотариусов. Самара, 1895. 314 с.
2. Барановский С. Пасынки Фемиды // Нотариальный вестникъ, 1903. № 2. С. 12—22.
3. Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска. Хабаровск: ДВНГБ, 2008. 291 с.
4. Вестник Маньчжурии. 1918. 27 июля.
5. Лившиц Б.И., Осматескул К.Н., Пономарёв А.Ф., Сучкова Н.В., Тихенко А.И. Библиографический указатель, комментарий, эксклюзивные материалы по российскому нотариату. М.: Аир-арт, 2001. 360 с.
6. Нилус Е.Х. Исторический обзор КВЖД. 1896—1923 гг. Харбин, 1923. С. 568—569.
7. Положение о нотариальной части. СПб., 1900. 248 с.
8. ПСЗРИ (Полное Собрание Законов Российской империи). Собр. 3-е. Т. 16. Отд. I. 1896. № 12932. СПб., 1899. С. 420—422.
9. ГААО (Гос. арх. Амурской обл.).
10. ГАИО (Гос. арх. Иркутской обл.).
11. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
12. РГИА (Рос. гос. ист. арх. СПб.).
13. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Aboimov D. *Nastolnaya kniga dlya notariusov* [Reference book for notaries]. Samara, 1895, 314 p. (In Russ.)
2. Baranovskiy S. Pasyunki Phemidi [Themis' stepchildren]. *Notarialniy vestnik*, 1903, no. 2, pp. 12—22. (In Russ.)
3. Bodisko A.M. *Iz zhizni Khabarovska* [On life of Khabarovsk]. Khabarovsk, DVNGB Publ., 2008, 291 p. (In Russ.)
4. *Vestnik Manchzhurii* [Manchuria Bulletin]. 1918. July 27. (In Russ.)
5. Livshits B.I., Osmateskul K.N., Ponomarev A.F., Suchkova N.V., Tikhenko A.I. *Bibliographicheskii ukazatel, kommentarii, ekskluzivnie materialy po rossiyskomu notariatu* [Bibliographical index, comments, exclusive materials on Russian notaries]. Moscow, Air-art Publ., 2001, 360 p. (In Russ.)
6. Nilus E.H. *Istoricheskiy obzor KWJD. 1896—1923* [Historical survey on Chinese Eastern Railway 1896—1923]. Harbin, 1923, pp. 568—569. (In Russ.)
7. *Polozhenie o notarial'noj chasti* [Provision on notarial part]. Saint Petersburg, 1900, 248 p. (In Russ.)
8. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZRI)* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. 3rd collection. Vol. 16. Section 1. 1896. No. 12932. Saint Petersburg, 1899, pp. 420—422. (In Russ.)